

ЧУДЕСА СТРАН

Т. А. Шумовский

Арабы и море

Чудеса стран

Теодор Шумовский

**Арабы и море. По
страницам рукописей и книг**

«Марджани»

2010

Шумовский Т. А.

Арабы и море. По страницам рукописей и книг /
Т. А. Шумовский — «Марджани», 2010 — (Чудеса стран)

Второе издание научно-популярных очерков по истории арабской навигации Теодора Адамовича Шумовского (род. 1913) – старейшего из ныне здравствующих российских арабистов, ученика академика И.Ю. Крачковского. Первое издание появилось в 1964 г. и давно стало библиографической редкостью. В книге живо и увлекательно рассказано о значении мореплавания для арабо-мусульманского Востока с древности до начала Нового времени. Созданный ориенталистами колониальной эпохи образ арабов как «диких сынов пустыни» должен быть отвергнут. Эпоха Великих географических открытий во многом опиралась на достижения средневековых арабских географов и мореплавателей. Задолго до европейского продвижения на Восток они освоили Средиземноморье и Индийский океан. Арабские лоцманы участвовали в морских экспедициях европейских первооткрывателей. В основу книги положено исследование уникальных арабских рукописей лоцмана Васко да Гамы Ахмада ибн Маджида и Сулаймана аль-Махри (XV в.), сочинения которых переведены Т.А. Шумовским на русский язык.

© Шумовский Т. А., 2010

© Марджани, 2010

Содержание

О ремесле историка в стихах и прозе	6
Предисловие автора к первому изданию	11
Над старыми рукописями	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Теодор Адамович Шумовский

Арабы и море: по страницам рукописей и книг

Theodor Shumovsky

ARABS AND THE SEA!
AFTER OLD MANUSCRIPTS AND BOOKS

Second corrected edition
Marjani Publishing House

О ремесле историка в стихах и прозе

Книга, которую читатель держит сейчас в руках, довольно необычна. Она написана почти полвека назад российским арабистом Теодором Адамовичем Шумовским по «горячим следам» уникальных арабских лоций Индийского и Тихого океанов XV – начала XVI в., которые он тогда изучал, переводил и печатал. Необычна сама тема книги. Арабское мореплавание эпохи Средневековья и начала Нового времени как область исторической географии все еще относится к редким областям востоковедения. Занятия ею требуют не только основательных познаний в специальных гуманитарных дисциплинах, но и умения разбираться в других более точных и естественных науках, включая очень специфический средневековый арабский морской словарь. В этой области работали и работают единицы, хотя отдельные из них и заслужили признание и уважение среди востоковедов. В XX в. к ней обращались французский востоковед Габриэль Ферран, русский арабист Игнатий Юлианович Крачковский, известный широкой публике благодаря своему переводу Корана, а также его ученик Шумовский, старейший из ныне здравствующих арабистов России. Последний из них, автор этой книги, остается сегодня чуть ли не единственным российским специалистом в этой области.

Необычен не только предмет, но подход и стиль этой работы. Арабисты классической школы, к которой принадлежит и автор книги, привыкли ограничиваться изучением текста, работа с которым целиком поглощает их внимание. Исторический контекст, эпоха и люди, писавшие, переписывавшие и читавшие изучаемые ими сочинения, большинство классиков, как правило, не интересуют. По своей специальности Т.А. Шумовский именно источниковед-текстолог. В начале своей научной карьеры он также двигался по этому общему пути. Им были переведены и прокомментированы сочинения лоцмана Васко да Гамы Ахмада ибн Маджида и его младшего современника Сулаймана ал-Махри. Еще в 1948 г. он защитил в ленинградском Институте востоковедения кандидатскую диссертацию о творчестве ибн Маджида по рукописи его сочинений из рукописного Фонда института. В историю российского востоковедения Шумовский вошел, опубликовав в 1957 г. три стихотворные лоции Ахмада ибн Маджида, за которыми в 1985 и 1986 годах последовали два пухлых тома с критическим изданием арабского текста и русским переводом «Книги пользы об основах и правилах морской науки». В 1975 году Шумовский подготовил к печати откомментированный перевод «Махрийской опоры для прочного приобретения морских знаний» Сулаймана ал-Махри. По ряду причин выход книги в свет задержался больше чем на четверть века, и только в 2009 году она попала в издательство. Наконец, тема докторской диссертации Шумовского, защищенной еще в 1957 году, была история арабской морской географии.

Название этой диссертации было тем же, что и у книги, первое издание которой выпущено в Москве в 1964 году, – «Арабы и море». Что и говорить: сказано просто, сильно и в чем-то вызывающе, ведь арабы ассоциируются у российского и вообще европейского читателя не с морем, а с сушей, прежде всего с безводными пустынями Ближнего Востока и Северной Африки. О значении моря в истории становления арабской культуры, общества и государственности читатель узнает со страниц этой книги. Один из ее главных выводов состоит в признании давних связей Европы с мусульманским Востоком. Эпоха Великих географических открытий опиралась на достижения средневековых арабских географов и мореплавателей. Задолго до европейского продвижения на Восток они освоили Средиземноморье и Индийский океан с частью Тихого. Пример Ибн Маджида показывает, что арабские лоцманы участвовали и в морских экспедициях европейских первооткрывателей. Интересно, что к похожим выводам пришли и западные медиевисты, предпочитающие говорить о тесных контактах Европы с «миром

ислама» со времен крестовых походов. Созданный ориенталистами колониальной эпохи образ арабов как «диких сынов пустыни» сегодня почти полностью отвергнут¹.

Но об этом более обстоятельно читатель прочтет у самого Шумовского. Я хочу отметить другое. В отличие от диссертации и изданий арабских лоций, в которых основное место занимают тексты источников, в небольшой книжке 1964 года, которая сейчас переиздается, речь идет не только и не столько о рукописях и исторических обстоятельствах их появления, сколько о труде историка, занимающегося рукописями. По этой причине книга получилась во многом автобиографичной. Вместе с автором мы переносимся на полвека, если не больше, назад и проходим шаг за шагом детективную историю находки уникальных арабских лоций, да еще и в стихах, в фондах бывшего Азиатского музея и Института востоковедения, а ныне Института восточных рукописей в С.-Петербурге, постепенной расшифровки рукописи начавшая с начала 1930-х годов, когда автор этой книги был еще студентом. В лучших традициях арабской литературной традиции, которая приучает чтить предшественников и создала даже особый жанр комментария и супракомментария (*шарх* и *хашия*), книга Шумовского в чем-то служит продолжением многократно переиздававшегося сборника эссе его учителя академика Крачковского «Над арабскими рукописями». Недаром ее первая часть намеренно перефразирует его название.

Писать о ремесле историка – задача неблагодарная. Несмотря на наличие известных и признанных примеров (например, книги французского медиевиста Марка Блока «Апология истории»), к мысли о возможности, если не необходимости, описать труд исследователя сами историки пришли совсем недавно. Долгое время считалось, что не следует вводить читателя в свою «кухню», ограничиваясь парадным фасадом научных монографий. Девятнадцатое, да и недавно минувшее двадцатое столетие вообще слишком пренебрежительно относились к жизни и творчеству отдельного человека. Общее не только для востоковедения, но и в целом для гуманитарных наук минувшей эпохи чрезмерное увлечение глобальными теоретическими схемами во многом обеднило даже самые удачные научные исследования, кабинетные творцы которых пытались представить читателю не отдельную личность, а массы, но на деле, как правило, не могли показать ни отдельного человека, ни тем более масс. Сегодня правилом хорошего тона, по крайней мере в западной науке, стало, наоборот, отрицать подобный эссенциализм в подходах и смеяться над наивными, а нередко и ханжескими заявлениями историков XIX–XX вв. о стремлении к наибольшей объективности изложения. Но одно дело заявлять о своих намерениях, а другое – хотеть и уметь их выполнить.

Не всякому дано увлечь читателя повествованием о старых, непонятных для неспециалиста рукописях и заботах историка. Об авторе этой книги этого не скажешь. Он умеет не только качественно делать работу историка, но живо и увлекательно описать ее. Академическая наука пока слишком мало задумывалась над формой изложения и передачи текстов источников. Как известно, большую роль в арабо-мусульманской литературной и научной традиции играла поэзия. Самые различные авторы со времен возникновения ислама и даже раньше нередко выражали свои мысли в стихах. При этом по содержанию они могли относиться к самым различным областям знания – от истории и географии до политики и права. Арабские лоции, над которыми работал Шумовский, частью тоже были изложены в стихах. Так вот, работая над арабскими рукописями, он пришел к мысли о необходимости передачи их формы художественными средствами русского языка, чтобы не лишать русскоязычного читателя возможности испытать те же чувства, которые возникают у араба при чтении оригинала. В своих книгах Шумовский выразил собственные принципы художественного перевода, не приемля рабского

¹ Изучение культурных и экономических связей между католическим Западом и мусульманским Востоком в бассейне Средиземного моря в Средние века позволило также подвергнуть сомнению выдвинутый в начале XX в. Анри Пиренном тезис о том, что мусульманские завоевания и создание Арабского халифата отрезали Европу от Ближнего Востока. См., например: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

следования грамматической структуре оригинала. В этом Шумовский был неодинок. Поиски более адекватных средств художественного перевода волновали крупнейших представителей русского востоковедения XX в., таких как известный китаист и переводчик Василий Михайлович Алексеев или специалист по литературе древнего Ближнего Востока Игорь Михайлович Дьяконов².

Классическая арабо-мусульманская научная и литературная традиция во многом основана на цитировании и комментировании предшественников. Многие в сочинениях по арабской морской географии порой невозможно понять без обращения не только к истории средневековой навигации, но и к более широкому пласту культуры того времени. Свой комментарий к прочтению арабских лоций XII–XVI вв. дает и автор «Арабов и моря». Во вторую главу книги вошли увлекательные экскурсы-повествования о морских путешествиях и открытиях на Ближнем Востоке и в Африке со времен Древнего Египта и Финикии до правления арабских халифов и османских султанов. Кроме адмиралов, политиков и торговцев на ее страницах мы встречаемся с учеными и поэтами. Не раз автор цитирует и Коран, причем в собственном поэтическом переводе, работать над которым он начал еще в середине XX столетия, когда первое издание книги только готовилось к печати, а закончил через более чем тридцать лет, в 1995 г. Внимательному читателю несложно заметить следующую особенность переводов Шумовского: они становятся более сухими и дословными, когда речь идет о лоциях и морском деле, более раскованными и свободными в художественных арабских текстах, включая аяты Корана. Более последовательно автор претворяет свои соображения о значении художественного перевода во всем, что касается менее специальных, чем мореплавание, областей средневековой арабо-мусульманской культуры.

Насколько такие переводы нужны? Ведь Коран не раз переводился с арабского на русский. Кроме изданного посмертно чернового перевода Крачковского есть дореволюционные переводы Г.С. Саблукова и Д.Н. Богуславского. Почему же попытки перевести Коран не прекращаются? Дело в том, что все названные переводы передают лишь содержание памятника, пренебрегая его художественными особенностями, а перевод Крачковского порой приближается к темному для понимания непосвященного подстрочнику. Между тем арабский Коран представляет собой яркое художественное произведение. Он написан ритмической прозой (садж'), близкой по форме к поэзии. Надо было быть Пушкиным, чтобы по дурному двойному переводу с французского понять в XIX в. художественные достоинства Корана, выразив их в его знаменитых «Подражаниях Корану». Современному русскому читателю пока не хватает хорошего художественного перевода Корана. Появившийся одновременно с изданием Шумовского новый академический перевод дагестанского востоковеда Н.О. Османова также не стремится передать художественную форму «Откровения». Что уж говорить про сделанный в 1993 г. не знающей арабского языка Викторией Пороховой жульнический и по временам совершенно бессмысленный «перевод смыслов», по существу сводящийся к испорченному «переводчицей» переводу Крачковского! В этих условиях попытка стихотворного перевода Шумовского была смелым новшеством. Если спуститься от Корана к стихам средневековых арабских поэтов, понять значение новаторства Шумовского можно, сравнив его переводы с помещенным в этой же книге переводом отрывка из поэмы ал-Хурайми, выполненным В.Э. Эберманом в классической, но несколько косноязычной манере.

Научно-популярный жанр книги позволил Шумовскому свободнее обращаться с временем и пространством. Он начинает свою книгу воспоминаниями о начале своих штудий над лоциями и стихами Ахмада ибн Маджида в пред- и послевоенном Ленинграде, затем переходит к истории арабского мореплавания и постепенно все более уходит в седую древность.

² См., например: Алексеев В.М. Предисловие // Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р.Х. М.-Пг., 1923. С. 13–18; Дьяконов И.М. Переводчики // Дьяконов М.М., Дьяконов И.М. Избранные переводы. М., 1985. С. 6–12.

Не нужно, однако, думать что средневековое арабское мореплавание имеет сегодня чисто академический интерес. История остается тесно связанной с политикой, лишней раз подтверждая высказанную еще «арабским Марксом» XIV в. Ибн Халдуном истину о том, что «меч и перо», власть и знание всегда идут в истории человечества рука об руку. Обратим внимание на одно замечание автора, оброненное им в первой главе. Почему в разгар холодной войны, еще в 1957 году, молодому и беспартийному Шумовскому удалось быстро издать свой перевод Ибн Маджида? В дело, к счастью, вмешался суэцкий кризис: после национализации правительством Насера Суэцкого канала в Египте перед арабской (и советской) наукой была поставлена задача доказать Европе существование у арабов собственных и независимых от Европы традиций мореплавания. Здесь как нельзя кстати оказались надолго забытые арабские лоции, которыми занимался Шумовский. Его коллеги, изучавшие мусульман Средней Азии, были менее счастливы: после советского вторжения в Афганистан в 1978 году целый ряд невинных исторических монографий о России и мире ислама был задержан в Восточном отделении издательства «Наука».

Не следует, однако, думать, что научный и жизненный путь Шумовского был легок и приятен. Политика ворвалась и в его судьбу. Накануне окончания университета научная карьера Шумовского вместе с изучением арабских лоций надолго прервались. Ему довелось многое пережить, в первую очередь два ареста и почти пятнадцать лет сталинских концлагерей и политической ссылки в Западной Сибири, о чем по вполне понятным в 1964 году цензурным сообщениям он никак не мог рассказать на страницах этой и других своих книг. Ко времени выхода первого издания книги эпоха репрессий потеряла свой массовый характер, «культ личности» был официально осужден в 1956 году, и перед ученым, как и перед миллионами его современников, сумевших сохранить жизнь в сталинской мясорубке, «извинились», и дела их были закрыты. Однако привлекать внимание читателя к сталинскому террору при раннем Брежневле стало не принято, и Шумовский смог лишь кратко отметить, что был репрессирован дважды, в 1938 и 1948 годах, и окончательно реабилитирован только в 1957 году.

Трагическая судьба ученого не исключение в печальной истории современной русской науки и культуры. Политические репрессии 30-х годов XX в. и последовавшая за ними война искалечили и погубили немало ученых. Зимой 1941 г. в застенках ленинградского НКВД скончался профессор А.Н. Генко, с которым случай развел Шумовского в тюрьме в 1938 г.³ Погибли китайцы Ю.К. Щуцкий и Б.А. Васильев, японист Н.А. Невский, оригинальный переводчик античных авторов Адр. Пиотровский и многие, многие другие. Почти вся старая дореволюционная профессура, в том числе учитель Шумовского И.Ю. Крачковский, подвергались травле. Крачковскому так и не удалось завершить отделку русского перевода Корана, заказанного ему в 1921 г. издательством «Всемирная литература», но запрещенного к изданию в 1930 г. по негласному указанию Жданова. Все эти случаи давления власти на науку в советское время стремились не предавать гласности. В биографии Шумовского, помещенной в 1975 г. в словаре советских востоковедов С.Д. Милибанд⁴, ни о каких посадках, конечно, не говорилось. В статье о нем указан лишь год окончания университета (1946) без даты поступления, чтобы у читателя не возникло ненужных вопросов, почему учеба Шумовского в вузе затянулась почти на 15 лет.

Сегодня положение кардинальным образом изменилось. В рассказе о советском прошлом почти все дозволено. Советская цензура пала еще в начале 90-х годов прошлого века. Сталинские репрессии стали модной темой. Даже те, кто не пострадал при советской власти, стараются выставить себя в роли мучеников «тоталитарного» советского режима. Тем не менее при

³ Публикацию отрывка из рукописи книги Т.А. Шумовского «Русско-арабские встречи» о встрече с А.Н. Генко в «Крестах» см.: Шумовский Т.А. Голос памяти (воспоминания сокамерника) // Восток, 2004. № 6. С. 141–142.

⁴ Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 619.

подготовке второго издания книги автор и редакция решили почти ничего в ней не менять, ограничившись правкой переводов и неточностей в передаче ближневосточных имен и реалий. По какой причине? Прежде всего потому, что взгляды автора на историю арабского мореплавания с 1964 г. существенно не изменились. Что же касается «запретных» полвека тому назад тем, прежде всего из биографии автора, читатель найдет их в воспоминаниях Т.А. Шумовского «Свет с Востока», полное издание которых вышло в С.-Петербурге в 2006 г. и было недавно переиздано⁵. Совсем иное дело книга «Арабы и море». По своему жанру публикуемые ниже очерки не отнесешь ни к статьям, ни к мемуарам. Это скорее свободные эссе-размышления арабиста над прожитой жизнью и любимой наукой. Это поистине «живой голос» живого современника недавно минувшего XX столетия.

В.О. Бобровников

⁵ Шумовский Т.А. Свет с Востока. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006; 2-е изд. СПб.: Диля, 2009.

Предисловие автора к первому изданию

Писать научно-популярную книгу и легко, и трудно. Легко потому, что читатель, доверяя знаниям автора, не требует объективных доказательств его правоты в виде тщательно построенного критико-библиографического аппарата, работа над которым всегда отнимает много сил; у заветных же врат, через которые исследование входит в науку, стоят недреманные стражи – официальные и неофициальные оппоненты, зорко вглядывающиеся в каждую строку, отмечающие малейшую шероховатость в произведении своего коллеги, и приговор их бывает неумолим: сокровищница человеческих знаний может пополняться лишь совершенными, безукоризненно отшлифованными творениями, созданными не только холодным умом знатока, но и пылающим сердцем провидца; это нужно для науки и вдвойне, когда научное достижение, выходя за пределы круга специалистов, становится достоянием всего общества, удовлетворяя одну из его практических или духовных потребностей. Здесь начинается трудность научного письма, предназначенного для широкого круга читателей, состоящая в специфике профессионального языка. В научном обиходе он имеет сложившиеся каноны, которые не всегда легко преодолеть: традиционный стиль, своеобразную манеру изложения материала, свойственную ученым и непривычную за пределами мира науки. Между тем задача популярной книги – сделать квалифицированное научное открытие достоянием огромной массы людей разного культурного уровня – требует до известной степени ломки этого языка и обращения к нормам обиходной литературной речи, но в такой мере, чтобы при этом не сбиться на менторский тон, избежать позы и упрощений. Не имея достаточного опыта, удержаться в «золотой середине» трудно, однако в этом заключена и своя честь: ученый должен уметь пропагандировать свои убеждения.

Таким образом, когда я получил предложение написать эту книгу, мне после длительных раздумий стало ясно, что для выполнения задачи нельзя идти по пути перепечатки глав или даже отдельных страниц ранее подготовленного мною труда по истории арабской навигации. Я изложил весь материал заново, перестроив язык и опустив вспомогательный аппарат, который не-востоковеду мог показаться обременительным, то есть старался все время держаться линии научно-популярного рассказа. Насколько это удалось, определит читатель. Даты под этим вступлением указывают на время написания книги. Пусть не посетует тот, кому она попадет в руки, на то, что мне иногда приходится, может быть слишком много, говорить о себе, – изучение арабского мореплавания давно стало делом моей жизни, личное и общественное тесно переплелись, и разделить их трудно. Если предлагаемая работа окажется полезной для тех, кто пожелает с ней познакомиться, то заслуга в значительной мере будет принадлежать светлому уму моих учителей, образ которых незримо присутствует на этих страницах.

*25 февраля – 1 августа 1962 года,
Ленинград, Т.А. Шумовский*

Над старыми рукописями

Работа над рукописями несет свои радости и свои горести, как все в жизни. Однако рукописи ревнивы: они хотят владеть вниманием человека целиком и только тогда показывают свои тайны, открывают душу – и свою, и тех людей, что были с ними связаны. Для случайного зрителя они останутся немые: как лепестки мимозы от неосторожного прикосновения, закроются их страницы, и ничего не скажут они скучающему взору.

И.Ю. Крачковский

Всем нам памятна повесть про удивительные приключения Синдбада, вошедшая в книгу «Тысячи и одной ночи». С 1704 года, когда французский переводчик Галлан навечно ввел эту книгу в культурный обиход Европы, поколения читателей вдыхают пряный аромат своеобразного мира арабских сказок, замороженные неувядающим очарованием древних страниц. Апофеозом отзвука является романтическая «Шехерезада» Н.А. Римского-Корсакова. Будучи, подобно А.К. Толстому в литературе и В.М. Васнецову в живописи, поэтом русской старины, композитор, естественно, не мог пройти мимо связей России с Востоком, но, как невостоковед, обращал свое внимание лишь на экзотически притягательное проявление характера чужого народа, не проникая в механизм этой эффектной поэзии, служащей полем труда специалистов. В обычном восприятии Синдбад не выходил за пределы сказки; критическая же мысль пыталась по его рассказам воссоздать реальную картину арабского судоходства в пору Средневековья. Удачливый багдадский негодник казался классическим типом восточного мореплавателя – представление, столь же упрощенное, сколь и устойчивое, перешедшее в XX век.

Путешествия Синдбада в заморские страны, даже когда в них не видели вымысла, казались случайными, ибо никто в XIX веке не думал всерьез о причастности арабов к навигации: в глазах самых глубоких исследователей они были преимущественно сухопутным народом, нацией фанатиков и воинов, купцов и скитальцев, сынов пустыни и городского ремесла. Пристальный филологический анализ открыл западному миру немеркнущие в веках созвездия арабских ученых и поэтов, витязей утонченной мысли и отточенного слова. Тяжелые своды и ажурные взлеты башен в мечетях и дворцах мусульманского Востока предстали каменными летописями славы арабских зодчих; тысячи изящно переписанных рукописей показали, на какой высоте в мире этой культуры стояло древнее искусство каллиграфии; были среди арабов граверы и шахматисты, даже при всей пуританской строгости нравов, завещанной Кораном, – светские актеры и музыканты. Но моряки, дальние плавания, сложившиеся традиции судоходства! Такое допущение шло вразрез с укоренившимся представлением о жителях Аравийского полуострова. Перед глазами ученых вставала цепь выжженных солнцем пустынь, которая даже на севере, у Иерусалима, виделась поэту «безглагольной и недвижимой». Редкие пятна оазисов, пересыхающие, теряющиеся в песках реки... Мелководье, зной и пираты у морских побережий. Грозные просторы океана, чуждые вечным кочевникам. Отсутствие леса для верфей. И куда и для чего плавать, если громадный конгломерат царств от Испании до Индии уже покорен сухопутными армиями наместников Пророка? Слабый росток морской темы в науке об арабах блекнул и поникал.

Так было, хотя еще на заре девятнадцатого столетия австрийский ученый Хаммер-Пургшталь приобрел в Стамбуле рукопись турецкой морской энциклопедии XVI века, основанной на арабских источниках. Автор этой «Энциклопедии в рассуждении науки о небесах и морях» адмирал султанского флота Сиди Али ибн Хусейн Челеби в 1551 году был поставлен во главе эскадры, призванной остановить португальскую экспансию в Индийском океане. После двух неудачных сражений с португальцами уцелевшие девять турецких кораблей в виду острова Диу

попали в пятисуточный шторм. Чудом оставшийся в живых адмирал с небольшой частью экипажа были выброшены на западный берег Индии. Здесь, в провинции Гузерат, ему пришлось провести три года. Челеби подолгу беседовал с местными моряками и зачитывался арабскими трактатами по навигации; плодом этих занятий явилась «Энциклопедия», оконченная в 1554 году. В предисловии к своему сочинению автор называет в качестве источников три произведения своего старшего современника Сулаймана из Махры в Южной Аравии, два основных свода, составленных лоцманом XV века Ахмадом ибн Маджидом, а также устные сведения о деятельности трех кормчих XII века – Мухаммада ибн Шазана, Сахла ибн Абана и Лайса ибн Кахлана. Венский первооткрыватель не заметил этого красноречивого признания.

Несколько позже Хаммер-Пургшталля, опубликовавшего в 30-х годах XIX века ряд фрагментов из «Энциклопедии» в английском переводе, видный французский ориенталист Рено обнаружил отрывки из сочинения Челеби в географическом труде восточного библиографа Хадджи Халифы. Увы, источники турецкого трактата и на этот раз не заставили ученого задуматься. «Челеби заимствовал из разных арабских сочинений, которые до нас совершенно не дошли...»⁶ Эти слова писались парижским ученым в 1846 году, когда четыре из пяти «не дошедших до нас» трудов вступали в составе одной из рукописей старого фонда во второе столетие своей жизни в Национальной библиотеке французской столицы.

Другой список «Энциклопедии», датированный 1571 годом, находился в Неаполе, и это объясняет, почему два исследования, посвященные турецкому памятнику и опубликованные уже в середине 90-х годов XIX столетия, принадлежат итальянцу Бонелли. Однако венская рукопись Хаммер-Пургшталля, переписанная в 1559 году, еще при жизни Челеби, считалась более надежной. По ней в 1897 году, к 400-летию первой экспедиции Васко да Гамы, в Австрии были изданы, М. Биттнером и В. Томашеком немецкий перевод топографических частей «Энциклопедии» (лоция Индийского океана) и 30 пояснительных картографических таблиц.

Вопрос об арабских источниках этого столь давно изучавшегося в Европе труда, на исходе века оставался неразрешенным. Томашек писал: «Как редкий, а может быть, и единственный памятник морской литературы Востока в последнем столетии Средневековья, компиляция Челеби обладает неопределимой важностью»⁷. В рецензии на его книгу итальянский исследователь Конти Россини утверждал, что «никакой из арабских морских текстов и ни один из их авторов неизвестны по другим источникам»⁸. Между тем ко времени венского издания уже три рукописных сборника арабских лоций хранились в библиотеках Европы: в Париже к уже упоминавшемуся списку с четырьмя сочинениями, из которых заимствовал Челеби, добавилась рукопись с 19 мореходными руководствами того же Ахмада ибн Маджида, приобретенная Национальной библиотекой в 1860 году; в Петербурге среди ранних поступлений коллекции Азиатского музея Академии наук с 1818 года находился скромный томик с тремя лоциями того же автора, трижды описанный в каталогах первой половины XIX века. Все эти документы, в которых своеобразие содержания создало и своеобразный трудный стиль, памятники, расшифровка которых требовала, кроме всего прочего, еще и специальных навигационных знаний, настолько отличались от уже изученного в европейской науке типа арабских географических сочинений, что их обходили даже крупные специалисты.

Выдающийся ориенталист второй половины XIX века де Слэн, описывая в каталоге рукописей парижской Национальной библиотеки самое значительное произведение арабского мореведения – «Книгу польз в рассуждении основ и правил морской науки» Ахмада ибн

⁶ J.T. Reinaud. Geographie d'Aboulfeda. Paris, 1846. P. 166.

⁷ Die topographischen Capitel des indischen Seespiegels Mohit. Uebersetzt von Dr. M. Bittner mit einer Einleitung sowie mit 30 Tafeln versehen von Dr. W. Tomaschek. Wien, 1897. S. 6.

⁸ Rossi C. Un portulano turco // Bollettino della R. Societa Geografica Italiana, 1897. Ser. III. X. Fasc. XII.

Маджида, отзываясь о нем так: «Стиль этого произведения весьма растянутый и насыщен техническими терминами, смысл которых понятен лишь морякам Индийского океана». Этот авторитетный приговор был произнесен в 1895 году, когда изучение труда Челеби вступило уже в седьмое десятилетие.

Вряд ли кто-нибудь из исследователей думал в ту пору найти в арабских материалах то, о чем не было бы сказано в «Энциклопедии» турецкого мореплавателя, и никто не обратил внимания на совпадение названий крупных сочинений в рукописях Национальной библиотеки с упоминаемыми у Челеби. Так ученая Европа пренебрегала корнями в то время, как давно уже вдыхала экзотический аромат их цветов: кроме «Энциклопедии» и повестей о Синдбаде востоковедам XIX века были известны «Сказания о Китае и об Индии» автора IX столетия Абу Зайда из портового города Сираф, изданные с французским переводом дважды, в 1718 и 1845 годах, аббатом Ренодо, Лангле и Рено; в 1883–1886 годах Ван дер Лит и Девик опубликовали сборник морских рассказов судовладельца десятого столетия Бузурга ибн Шахрияра из Рамхур-муза, озаглавленный «Чудеса Индии»⁹; одновременно крупнейший русский востоковед конца XIX века В.Р. Розен выпустил историческое исследование о византийском императоре Василии Болгаробойце, где около 30 страниц посвящено рассмотрению данных об организации арабского флота в Средиземном море, о первых верфях и существовавших типах судов, приводимых в хрониках некоторых средневековых авторов. Помимо этих изданий, в течение XIX века появился ряд небольших работ на частные темы восточного мореплавания, порожденных «Энциклопедией»; одни из них забыты, другие надолго пережили своих создателей и оказались достойными переиздания в нынешнем столетии.

* * *

Габриэль Ферран своей деятельностью в начале XX века положил основание новой области востоковедения.

⁹ См. в русском переводе: *Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии*. М., 1959.

Рис. 1. Габриэль Ферран

Это была пылкая натура с острым, пронизательным умом, ученый широких интересов, чья кипучая мысль всегда раздвигала избранное поле исследования далеко за привычные исторические и географические пределы, выполняя работу сразу нескольких специалистов. Разносторонний эрудит, он, однако, не был лишь блистательным книжником, и его рабочий кабинет на тихой парижской улице совсем не походил на башню из слоновой кости. Учителем его был африканист Рене Бассе, друзьями-соратниками – арабист Годфруа-Демомбин и египтолог Тюрю-Данжен, индианист Сильвэн Лева и синолог Пельо, десятками нитей он был связан со многими другими представителями современного ему востоковедения, и все они сходились на заседаниях Азиатского общества, где из их докладов о результатах проделанных изысканий, как Феникс из пепла, частица за частицей воссоздавалась живая ткань великой культуры разноязычного Востока минувших эпох; они возводили на пьедестал науки новые положения, поражавшие неожиданностью, и ниспровергали старые, казалось, незыблемые, убеждались и убеждали, спорили и учились друг у друга.

Но для ученого этого было бы недостаточно. Решающим подспорьем всей научной деятельности Феррана, определившим успех его выступлений в Азиатском обществе, явилось длительное пребывание во французских владениях на Индийском океане. Мадагаскар, Пондишери

и Аннам были ему известны по многосторонним личным впечатлениям, здесь он познакомился с местной традицией, видел своими глазами блеклые следы прошлого и не одним лишь мысленным взором, но и взыскательным исследованием скудно сохранившейся документации восстанавливал их славную историю.

Предметом исследований Феррана была культура народов Индийского океана в широком смысле, главным образом язык и география, точнее, язык применительно к географии, ибо последняя непременно присутствует во всех его работах, служа если не сюжетом, то более или менее заметным фоном. Он разрабатывал такие, казалось бы, далекие темы, как словарь мальгашей – жителей Мадагаскара, и происхождение географических названий Индонезии, иранские влияния в арабском языке и древние культурные связи между Явой, Индией и Китаем, в каждом случае показывая себя широким знатоком различных языков и разноязычной исторической литературы; это позволяло ему проводить параллели, недоступные другим специалистам, которые часто исследуют памятники культуры на одном языке и в лучшем случае оперируют параллельным материалом лишь родственных ему.

Особое внимание Феррана привлекала этническая и языковая близость жителей Мадагаскара и Суматры, повергавшая в недоумение многих исследователей. Опираясь на сохранившиеся данные исторической и литературной традиции, он смог прочно обосновать положение о том, что эта близость восходит к первоначальной общности, возникшей как плод индонезийской морской миграции через океан. Созданная смелой и уверенной рукой мастера, перед читателем развевалась живая картина великого переселения афроазиатских народов на рубеже старой и новой эры; теснимые колонистами, стремящимися от Короманделя, Ориссы и Бенгалии к Малайскому архипелагу, суматрианцы по зыбким океанским путям уходят на запад; уцелевшие из них добираются до Мадагаскара и вытесняют аборигенов; последние устремляются к северу, под их натиском жители Адена и оазисов Счастливой Аравии отодвигаются в глубь знойных пустынь полуострова... Пройдет несколько столетий, и эти пустыни извергнут многоплеменную людскую лавину, которая стремительно хлынет в четыре стороны света; для народов от Испании до Индонезии арабская речь станет первым или вторым родным языком.

При всем этом Ферран в значительной степени шел проторенным путем своих предтеч, на что указывает хотя бы традиционный состав источников в его такой сравнительно поздней работе, как двухтомные «Арабские, персидские, турецкие отчеты о путешествиях и географические тексты, относящиеся к Дальнему Востоку, с VIII по XVIII вв.»¹⁰

Но в эту пору свершилось переломное событие, и, как это часто бывает в науке, произошло оно случайно. Двухтомник был уже почти готов к печати, когда Ферран и работавший с ним Годфруа-Демомбин, в последний раз просматривая каталог де Слэна, чтобы убедиться в том, что все источники использованы, обнаружили в фонде Национальной библиотеки две сборные рукописи с 27 арабскими трактатами XV и XVI веков по навигации в Индийском океане. Автором одного сборника, включавшего 19 произведений, значился «лев моря» Ахмад ибн Маджид; рукопись была приобретена в 1860 году у арабского преподавателя в Париже Сулаймана ал-Хараири; в другом списке, поступившем в Национальную библиотеку еще в начале XVIII века, основное место занимали пять сочинений лоцмана Сулаймана из южно-арабской прибрежной области Махра. Словно золотая россыпь, Голконда науки, выплывшая из мглы былого, засверкали они перед потрясенными исследователями. 13 декабря 1912 года притихший зал заседаний Азиатского общества в Париже слушал сообщение Годфруа-Демомбина, который в своей сдержанной манере, кратко, но обстоятельно рассказал о значении открытых памятников.

¹⁰ Relations de voyages et textes géographiques arabes, persanes et turks relatifs à l'Extrême Orient du VIIeme au XVIIIeme siècles. Paris, 1913–1914.

Ферран был ошеломлен открытием, и его впечатлительная, увлекающаяся натура покинула золотую середину меры: едва успев установить, что в найденных рукописях содержатся именно те сочинения, на которые ссылается Челеби, он поспешил прийти к заключению, что отныне свод турецкого мореплавателя утратил всякую научную ценность, и это убеждение не покидало его до конца жизни. «Энциклопедия» турецкого адмирала в целом представляет не что иное, как перевод, иногда посредственный, обоих трактатов», – писал он в 1914 году. «Турецкий адмирал рабски воспроизводит мнения, изложенные Ахмадом ибн Маджидом и Сулайманом из Махры», – читаем в его работе 1928 года. И далее, в смежной статье того же времени: «С тех пор как обнаружены арабские источники «Энциклопедии», это сочинение не возбуждает более того интереса, который оно представляло в XIX столетии. К рабски компилятивному переводу этих источников Челеби прибавил лишь незначительные, бесполезные или даже сомнительные дополнения». Sic transit gloria mundi¹¹.

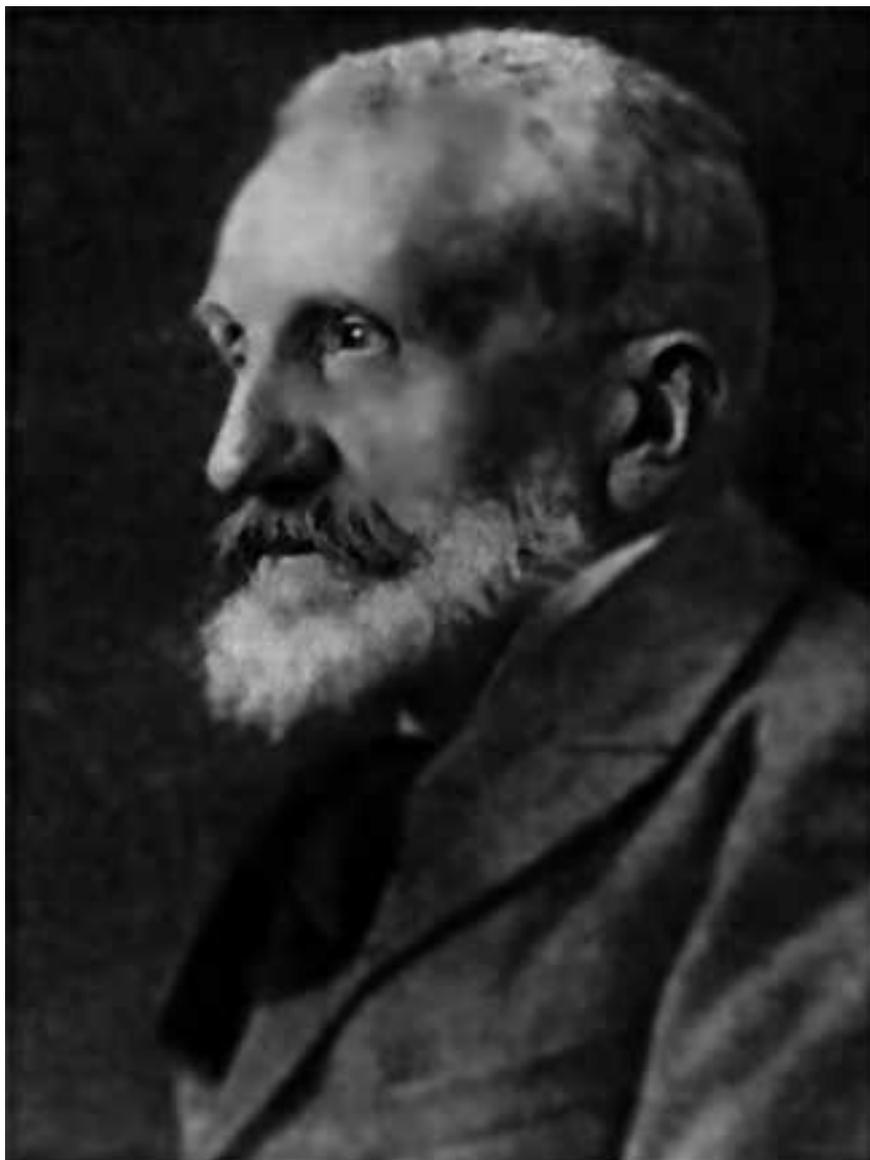

Рис. 2. Морис Годфруа-Демомбин

¹¹ «Так проходит слава мира!» (лат).

Между тем вопреки суровому отзыву Феррана «Энциклопедия» сохранила свое значение в науке и поныне: именно она, как заметил И.Ю. Крачковский, содержит первое в восточной литературе описание Нового Света, открытого всего шестью десятилетиями ранее. Не следует забывать, что автор был моряком, хотя и не столь опытным, как его арабские предшественники; он, как можно видеть из трактата, тщательно изучал их труды; не довольствуясь этим, расширял свои познания в живом общении с современными ему арабскими, персидскими и индийскими корабельщиками. Поэтому, когда Ферран характеризует его дополнения к использованным источникам как сомнительные, позволительно, в свою очередь, усомниться в обоснованности этого суждения.

Остается добавить, что дошедшие до нас факты биографии Челеби рисуют его в привлекательном свете: испытавший морскую катастрофу и выброшенный на чужой берег, не зная, во что обойдется ему гибель флота по возвращении на родину, он смог собрать силы и создать обширное и долговечное руководство для мореплавателей; он открыто назвал свои источники, что у современных ему восточных писателей, как и у их предшественников, встречается далеко не всегда; его отзыв об авторе двух использованных им крупных сочинений – Ахмаде ибн Маджиде исполнен душевной теплоты и сердечности: это, пишет он, «искатель правды среди мореплавателей, наиболее заслуживающий доверия из лоцманов и моряков Западной Индии в XV и XVI веках». Наконец, и в «Отчетах о путешествиях» Феррана, упоминавшихся выше, данным Челеби пришлось отвести весьма значительное место. Все это показывает, насколько несостоятельным бывает переход из одной крайности в другую.

После 1914 года Ферран был всецело поглощен изучением открытых рукописей. Особенное его внимание привлек наиболее плодовитый из двух авторов – Ахмад ибн Маджид: кроме девятнадцати произведений в одном сборнике, ему принадлежали три в другом; самое крупное сочинение содержало упоминание еще о десяти трактатах автора, а позднейшие исследования увеличили это число до тринадцати, затем до пятнадцати. Итого тридцать семь работ! В арабской географической литературе, как она известна сегодня, это явление незаурядное. По содержанию все это были технические описания условий навигации в разных частях Индийского океана, формально – почти исключительно стихотворные поэмы, где размер и рифма служили цели облегчить запоминание этих руководств наизусть; помимо небольшого рассуждения о приметах близкой суши, лишь один трактат, самый большой, был составлен в прозе. Однако не обилие образцов творчества Ахмада ибн Маджида заинтересовало Феррана и даже не самый жанр, неведомый традиционной европейской науке, а единичный эпизод из биографии арабского кормчего, неожиданно связавший его имя с историей западной географии.

«Да, Челеби упоминает об Ахмаде ибн Маджиде, – размышлял Ферран, – и это живое свидетельство почти современника: разница между ними составляет приблизительно полвека, отзыв турецкого адмирала еще сохраняет аромат почитания, облекавший свежую память о незаурядном арабе.

Но, помнится, кто-то еще называет это имя... Кто же? Где?» Не верилось, чтобы это был обман чувств, но в какой же из десятков просмотренных рукописей и сотен прочитанных книг мелькнуло это имя, всплыло и утонуло в пучине строк и листов, встретив равнодушный взгляд человека, которому оно тогда ничего не говорило? «Кто же? Где?» – напряженно думал Ферран. За днями прошли недели, и цепкая память филолога подсказала: ан-Нахравали. Да, Кутбаддин ан-Нахравали, набожный мекканский писатель, современник Челеби. Ревнитель мусульманской ортодоксальности, он, видимо, не случайно избрал местом своего проживания «Мать городов», где традиции были прочнее, где нравы сохранили больше первоначальных черт, нежели в поздних центрах раздробившейся арабской державы. Угрюмый свидетель упадка былого могущества арабов и возвышения иноземных пришельцев, он предоставлял выход своим чувствам в описании современных ему событий, которым давал собственную оценку. Ан-Нахравали принадлежит сочинение под традиционно замысловатым названием

«Йеменская молния об османском завоевании», сохранившееся в рукописи парижской Национальной библиотеки, а также в фонде нашей Академии наук.

Ферран читал: «В начале десятого века¹² среди небывалых и злосчастных событий было проникновение проклятых португальцев, принадлежащих ко племени мерзостных франков, в местности Индии. Их отряд обычно выходил на кораблях из пролива Сеуты¹³ в Море¹⁴, вступал во Мраки¹⁵ и проходил позади Лунных гор... – это место, питающее истоки реки Нил. Достигши востока, они плыли вблизи от берега в бурном месте по опасному проливу, коего с одной стороны гора, с другой – море Мрака. Их корабли не могли приблизиться к этому месту без того, чтобы не разбиться; никто из них не спасался. Они продолжали пребывать в том же положении некоторое время, гибли в этом месте, и никто из подобных им не мог благополучно проникнуть в Индийское море, пока не прорвался к Индии один парусник. Они не переставали добиваться сведений об этом море, и, наконец, им указал путь опытный человек из моряков, коего звали Ахмад ибн Маджид...»

¹² X век мусульманского летосчисления начался в 1495 году.

¹³ Гибралтарский пролив.

¹⁴ Атлантический океан.

¹⁵ Часть океана к юго-западу от Африки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.